

МАРГАРИТА ГЕОРГИЕВНА ЛОГУТОВА

УДК 801.82

к. ист.н., старший научный сотрудник отдела рукописей
 Российской национальной библиотеки
 (пл. Островского, д. 1/3, Санкт-Петербург, Россия, 191023)
m.logutova@mail.ru

**РУКОПИСНАЯ КНИГА — СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ
 ФАКТОР ДУХОВНОСТИ *DEVOTIO MODERNA*
 («НОВОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ»)**

Движение *Devotio Moderna* ставило целью восстановление норм жизни первоначальной апостольской церкви и исправление общества путем работы индивида над своим внутренним человеком. Организационная сторона составила из полусветских общин братьев общей жизни и монастырей августинских уставных каноников Виндесгеймской конгрегации. Связь «Нового благочестия» с рукописной книгой была изначальной. Переписка необходимой обществу этико-религиозной литературы стала структурирующим фактором, не позволявшим распадаться стихийно возникавшим общинам единомышленников, и именно этот фактор, переписка книг, обеспечил успех и длительность этого движения. В преддверии появления книгопечатания его деятели чутко уловили потребность в расширении средств воздействия на людей, и потому проповедовали словом не устным, но письменным. Перепиской уже известных произведений и сочинением новых они предоставили обществу необходимую духовную пищу — доступную для понимания и обращенную к личности верующего религиозную литературу. Созданные в скрипториях «Нового благочестия» книги читались. Наиболее востребованной стала книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу». С распространением книгопечатания рукописная книга утратила свое значение, и *Devotio Moderna* уступило место новым религиозным и культурным феноменам.

Ключевые слова: религиозность Позднего Средневековья, «Новое благочестие», рукописная книга

MARGARITA GEORGIEVNA LOGUTOVA

PhD in History, senior scientific researcher,
manuscript department of the National Library of Russia
(ploshad' Ostrovskogo, 1/3, Saint-Petersburg, Russia, 191023)
m.logutova@mail.ru

*MANUSCRIPT BOOKS AS A STRUCTURING FACTOR
OF THE DEVOTIO MODERNA RELIGIOSITY*

The *Devotio Moderna* movement (late 14th – 15th centuries) was aimed at the restoration of the Apostolic Church's rules of living and at reformation of the society by means of the individuals' work on self-perfection in order to transform oneself to the image of God. There were two organizational structures in the movement: semi-secular brotherhoods of common life and Augustinian monasteries of the Windesheim Congregation. From its very beginning the *Devotio Moderna* movement was closely related to manuscripts, and this relation permeated all aspects of the common life brotherhoods' activity and that of the Windesheim canons. Copying the ethic and religious literature necessary for the society became a structuring factor, which did not let the spontaneously emerging communities sharing the same ideas dissolve. And it was the bookcopying that ensured the success and durability of the efficient phase of this movement that lasted more than a century. Anticipating the appearance of book printing, its leaders keenly caught the need to expand the means of influence on people, and preached by both written and oral word. Copying popular works and composing new ones, they provided public with «spiritual food», i. e. with religious literature easy for understanding and addressing to believers. The books created at the «Modern Devotion» scriptoria were read. The book «De imitatione Christi» by Thomas a Kempis became the most claimed. After the book printing had been spread, the manuscript book lost its importance and *Devotio Moderna* gave way to the new religious and cultural phenomena.

Key words: Late Medieval Religiosity, *Devotio Moderna*, manuscript book

Перефразируя евангельский текст, можно сказать, что в начале «Нового благочестия» было записанное слово, и слово это было рукописной книгой. Движение ставило целью восстановление норм жизни первоначальной апостольской церкви и исправление общества путем работы индивида над своим внутренним человеком, чтобы преобразовать себя по образу Божию¹. Организационная сторона составила из полусветских общин братьев и сестер общей жизни и монастырей августинских уставных каноников Виндесгеймской конгрегации. Связь с рукописной книгой была изначальной и пронизывала все стороны деятельности братьев общей жизни и виндесгеймских каноников.

Во второй половине прошлого столетия началось интенсивное изучение состава библиотек «Нового благочестия» и роли, которую играли книги в истории *Devotio Moderna*².

¹ Rudolph Dier de Mudén. *Scriptum de Magistro Gerardo Grote, Domino Florencio et aliis devotis Fratribus* // Gerhard Dumbar. *Analecta seu vetera aliquot scripta inedita*. S. l., 1719. P. 5: «interiorem suum hominem reformare ad similitudinem Dei» (1–12).

² Löffler K. *Deutsche Klosterbibliotheken*. Bonn; Leipzig, 1922; Oeser W. 1) *Die Brüder des gemeinsamen Lebens in Münster als Bücherschreiber* // *Archiv für die Geschichte des Buchwesens*. 1962. Bd 5. S. 179–398; 2) *Handschriftenbestände in Augustiner-Chorherrenstift Böddecken* / *Archiv für Geschichte des Buchwesens*. 1965. Bd. 7. Lfg.1–2; Lourdaux W., Haverals M. *Bibliotheca vallis sancti Martini in Lovanio*. T. 1–2. Leuven, 1978–1980; Haverals M. *De scriptoria en de bibliotheken van de windesheimers in de Nederlanden* // Geert Grote en de Moderne Devotie. Antwerpen, 1985. Blz. 260–270; Geurts A. J. *Boeken maken in het regulierenklooster te Windesheim bij Zwolle* // *Windesheim. Studies over een Sallands dorp bij de IJssel*. Windesheim, Kampen, 1987. Blz. 57–76; Staubach N. 1) *Pragmatische Schriftlichkeit im Bereich der Devotio moderna* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1991. Bd 25. S. 418–461; 2) *Von Deventer nach Windesheim. Buch und Bibliothek in der Frühzeit der Devotio moderna* // *Kloster und Bibliothek. Zur Geschichte des Bibliothekswesens der Augustiner-Chorherren in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von A. Müller. Paring, 2000. S. 1–22; 3) *Die Devotio moderna als Textgemeinschaft* // *Schnittpunkte. Deutsch-niederländische Literaturbeziehungen im späten Mittelalter* / Hrsg. von A. Lehmann-Benz. Münster, 2003. S. 19–40; Lingier C. *Boekengebruik in vrouwenklooster onder invloed van de Moderne Devotie* // *Boeken voor de eeuwigheid* / Hrsg. von Th. Mertens. Amsterdam, 1993. Blz. 280–294; Wierda L. *De Sarijs-handschriften. Laat-middeleeuwse handschriften uit de IJsselstreek*. Zwolle, 1995; Wierda L. *Moderne devoten en hun boeken enkele observaties betreffende de boekproductie bij windes-*

В этих работах были отражены все грани писцовой и книгособирательской деятельности «Нового благочестия». За кадром остался только один аспект — рукописная книга не просто отражала духовность движения, она являлась структурообразующим фактором *Devotio Moderna*, колыбелью, из которой движение вышло. Более того, именно рукописный кодекс обусловил развитие самого успешного религиозного движения позднесредневековой Европы³.

Истоки особой роли рукописной книги в судьбе «Нового благочестия» лежат в биографии его основателя Герта Гроте (1340–1384). «Вы знаете, я жаден и ненасытен до книг», — писал он в одном из своих писем⁴. Магистр искусств Парижского университета, Гроте изучал также философию, медицину, право и другие науки и был на пути к блестящей церковной карьере, но в 1372 г. резко изменил образ жизни. Его последователи, по образцу апостола Павла, назвали эту перемену обращением. Гроте передал родительский дом в собственность магистрата своего родного купеческого города Девентера с тем, чтобы в нем жили незамужние женщины, желавшие вести благочестивый образ жизни. Этот дом стал первой общиной сестер общей жизни. Гроте составил правила, по которым нищенство категорически запрещалось, средства к жизни женщины зарабатывали трудом: прядением и ткачеством. Сам удалился донатом в картезианский монастырь Моникхейзен. Один из биографов писал, что там «он работал над своим внутренним человеком, чтобы преобразовать себя по образу Божию, к каковому стремился»⁵. За два проведенных

heimers en fraters // Windesheim 1395–1995. Kloosters, teksten, invloeden. Nijmegen, 1996. Blz. 98–127; Kock Th. Die Buchkultur der *Devotio Moderna*. Handschriftenproduction, Literaturversorgung und Bibliotheksaufbau im Zeitalter des Medienwechsels. Frankfurt am Main, 1999; Scheepsma W. Medieval Religious Women in the Low Countries: The Modern Devotion, the Canonesses of Windesheim, and their Writings. Woodbridge, 2004.

³ Bollmann A. The influence of the *Devotio Moderna* in Northern Germany // A Companion to Mysticism and Devotion in Northern Germany in the Late Middle Ages / Ed. by E. Andersen. Leiden; Boston, 2014. P. 231.

⁴ Gerardi Magni Epistolae / Ed. W. Mulders. Antwerpen, 1933. P. 108: «semperque avarus et peravarus librorum, ut noscitis».

⁵ Dier de Mudén. P. 5: «Post conversionem suam latuit magister Gherardus quinque annis laborans interiorem suum hominem reformare ad similitudinem

в монастыре года духовные поиски Гроте приобрели осознанный и целенаправленный характер — он понял, что не создан для созерцания и что его путь лежит в миру.

Книги занимали в жизни Гроте огромное место. Готовиться к новой для себя религиозной жизни он начал с подбора «чисто моральных книг»⁶, поскольку «восстановить церковь в полноте времени Христа» можно, лишь опираясь на знание и книги⁷. По выходе из монастыря Гроте со своим другом, новатором школьного образования и ректором школы в Зволле Йоганом Целе (с. 1350–1417), отправился в Париж для покупки произведений отцов церкви и другой благочестивой литературы. Своих знакомых, от Праги до Брабанта, Гроте донимал поручениями по розыску нужных ему произведений, заказами на покупку книг и пергамена, просьбами о копировании. «В настоящий момент пять писцов переписывают «Комментарии на Иоанна» Августина и «Комментарии на Марка Беды»⁸, — сообщал Гроте амстердамскому священнику Яну ван ден Гронде, который и сам копировал для него книги⁹. В Девентере ученики старших классов за плату переписывали для него книги, продолжая работать на него и по окончании школы. Из этих писцов составилась первый дом братьев общей жизни в Девентере. Многие из этих школьников в дальнейшем хотели вступить в монастырь или принять сан священника. Дома братьев общей жизни служили им промежуточной ступенью — в них юноши проходили школу благочестивого писцового труда.

Переписка показывает, насколько продуманно и целенаправленно комплектовал Гроте свою библиотеку античной и христианской этико-философской и мистической литературой, от апологетов до современников. Он хотел иметь у себя

Dei ad quam erectus fuit».

⁶ Gerardi Magni Epistolae. P. 45: «Et sic convenit michi pro illo, quod est mere morale, sicut si esset 'Eticorum', Seneca libri, Originalia sanctorum et similia».

⁷ Gerardi Magni Epistolae. P. 42: «...unus est nobis necessarium, si simul currere debemus in edificatione Ecclesie in plenitudinem etatis Christi. Ad edificationem enim querimus et scienciam et libros, ut habundemus».

⁸ Gerardi Magni Epistolae. P. 204: «Habeo de presenti quinque scribentes et scribitur Augustinus «Super Johannem» et Beda «Super Marcum».

⁹ Gerardi Magni Epistolae. P. 18.

«Этику» Аристотеля, сочинения Цицерона, Сенеки, Тита Ливия, Плиния Младшего¹⁰. В переписке мелькают имена: Амброзий, Августин, Иероним, Григорий Великий, Исидор Севильский, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Ансельм Кентерберийский, Бернард Клервосский, Иоганн Таулер, Генрих Сузо, Иоганн Рейсбрук, Джон Виклеф. Но прежде всего и преимущественно его интересовали труды отцов церкви и особенно сочинения Августина¹¹.

Восприняв от картузианцев глубинную средневековую традицию уважения к книге как записанному слову¹², Гроте пошел дальше. Фома Кемпийский передает его высказывание о том, что книга должна служить пользе читателя; по словам Фомы, Гроте обращался к книге за содержанием, а не за красотой кодекса и, подобно св. Иерониму, предпочитал книги с исправленным текстом красивым, но не откорректированным¹³. Та же мысль прослеживается в переписке — в некоторых письмах Гроте сообщает своим корреспондентам, что писцы копируют для него выверенные тексты¹⁴.

Гроте обладал критическим чутьем и начальными навыками текстологического анализа. В одном из писем он представил развернутые доказательства ошибочности приписывания Бернарду Клервосскому трактата «De anima». Некоторые места этой книги, — писал Гроте, — противоречат заключениям Бернарда, но согласуются с современными докторами в том, в чем новые трактаты отличаются от старых. Не его стиль — отсутствуют цветы красноречия Бернарда. Этой книги нет в старых библиотеках и нет среди старых сборников

¹⁰ Gerardi Magni Epistolae. P. 45: «Et sic convenit michi pro illo, quod est mere morale, sicut si esset "Eticorum", Senece libri, Originalia sanctorum et similia».

¹¹ Gerardi Magni Epistolae. P. 16.

¹² Lourdaux W. Het boekenbezit en het boekengebruik bij de moderne devoten // Studies over het boekenbezit en boekengebruik in de Nederlanden vóór 1600. Brussel, 1974. Blz. 262.

¹³ Ginneken J. van. Geert Groote's levensbeeld naar de oudste gegevens bewerkt. Amsterdam, 1942. P. 191–192: «Servire debet liber utilitati legentis: non ad curiositatem intuitis. Itaque affectio devoti magis versatur ergo sententias in libros: quam ad venustatem expoliti codici. Sic et beatus Hieronimus maluit habere in vilibus membranibus codices emendatos, quas pulchros et incorrectos».

¹⁴ Gerardi Magni Epistolae. P. 231: «...ceterum pro illis libris emendis magister Ricardus laboravit».

произведений Бернарда. «Нет, не его эта книга», — заключал Гроте и в своем праве на критику сослался на Сенеку. Здесь же он высказал сомнения в принадлежности Бернарду еще одной книги, «De conscientia». Действительно, среди сочинений Бернарда нет двух названных Гроте книг¹⁵. Применительно к интересовавшим его книгам он эмпирическим путем нащупывал метод исторической критики. Средневековое представление о книге как о слове записанном и потому неизменном переросло у него в новое качество: текст становился рабочим инструментом ученого, позволявшим отделять позднейшие наслоения и отличать труды одного автора от другого. Это еще не гуманистическая критика текстов, основанная на фундаментальных филологических знаниях. Здесь имеет место другое. В XIV в. на севере Европы, как и в Италии, перед образованными людьми встала задача определить свод произведений наиболее чтимых авторов и отделить их произведения от многочисленных подражательных сочинений. Эти направления работы с книгой продолжили виндесгеймские каноники. Они комплектовали свои библиотеки религиозной литературой, отыскивая наиболее старые и по возможности правильные списки, и сами по мере возможности выверяли тексты книг Св. Писания и отцов церкви.

В конце 1379 г. Гроте был посвящен в сан дьякона — низший церковный сан, дававший право на проповедь. Проповедовал на латыни и на народном языке в городах и в сельских местечках северных Нидерландов. «Вы знаете, — писал Гроте, — как скромна помощь наших ученых теологов неведающим и простым крестьянам. Для меня очевидно, что беднякам и низам общества следует посвятить много пыла и труда, ибо те, кто удален от вершин, более восприимчивы к слову Божию»¹⁶. Иногда бывало по две проповеди в день, и длились они более трех часов каждая — церкви не могли вместить всех

¹⁵ Migne J.-P. *Patrologia latina cursus completus*. T. 182–185. Paris, 1854–1855.

¹⁶ Gerardi Magni *Epistolae*. P. 30–31: «Scitis namque quod agrestibus innocentibus et simplicibus modicum est subsidium a doctis nostris theologis... mihi visum est simplices pauperes et abiectos et ignaros magno fervore et labore amplecti debere, qui et quanto nudiores ab altis fastigiis tanto verbi Dei receptibiliores sunt».

желающих. Все силы своей незаурядной личности Гроде устремил на воскрешение первоначальной апостольской церкви с ее проповедью любви к Богу и к человеку и чистотой нравов. Путь к очищению общества виделся ему не в монашестве, а в раннехристианской общине. Под влиянием его проповеди некоторые горожане в Нидерландах и Вестфалии меняли свою жизнь, объединяясь в небольшие группы, и пытались претворить идеи учителя в жизнь. Первым стал священник Флоренс Радевейнс (1350–1400). Магистр искусств Пражского университета, в 1380 г. Радевейнс сменил престижную пребенду в епископском Утрехте на скромный викариат церкви св. Лебвина в Девентере. По вечерам и в праздничные дни в его доме собирались последователи Гроде для благочестивых беседований. Здесь же оставались жить иногородние школьники, продолжавшие и по окончании школы копировать книги для Гроде.

В проповеди на синоде утрехтской церкви в 1383 г. Гроде коснулся двух больших для конца XIV в. тем — сожительства священников со своими экономками и симонии в среде епархиального клира, после чего последовал запрет на публичную проповедь.

Лишенный права проповедовать, Гроде занялся чтением, прежде всего Библии, и переводами. Для благочестивых женщин и братьев-мирян перевел на нидерландский язык «Часы Девы Марии», «Часы св. Креста», «Часы Св. Духа», заупокойную службу, семь покаянных псалмов и 54 псалма, входившие в «Часы вечной Мудрости» Генриха Сузо. Значение этих переводов для духовной жизни Нидерландов трудно переоценить. «Бестселлеры» позднего Средневековья, часовники предназначались для внецерковной молитвы. В отличие от коллективной молитвы в церкви, внецерковная молитва всегда была индивидуальной, была личным обращением верующего к Богу. Гроде дал мирянам доступное им средство личного благочестия. Часовник Гроде на средне-нидерландском языке стал самой читаемой книгой в Нидерландах XV в.: до нас дошло более 800 списков этой книги¹⁷.

¹⁷ Moderne Devotie. Figuren en facetten. Tentoonstelling ter herdenking van het sterfjaar van Geert Grote 1384–1984. Catalogus. Nijmegen, 1984. Blz. 93.

Один из списков часовника в переводе Гроте хранится в Российской национальной библиотеке в Петербурге¹⁸. Гроте умер 20 августа 1384 г., ухаживая за больными чумой.

Современные исследователи единодушно признают, что при жизни Гроте движения в собственном смысле слова еще не было. Существовала маленькая община в Зволле, которую возглавлял слепец ван Уммен, и дом священника Флоренса Радевейнса в Девентере, где несколько клириков и священников переписывали книги. После смерти Гроте по образцу дома Радевейнса стали возникать новые общины, основанные на общих духовных интересах и, что не менее существенно, на переписке книг. В 1385 г. возник дом братьев общей жизни в Альмело, в 1392 г. — в Пурмеренде, в 1397 г. — дома в Амерсфорте и в Люйке, в 1400 г. — дома в Мюнстере и в Дельфте.

Два хрониста представили две версии возникновения первой общины братьев общей жизни. В каждой речь идет о книгах. Биограф Гроте Дир де Муден (1384–1458) пишет, что первой совместной собственностью дома Флоренса Радевейнса в Девентере стала библиотека — та самая, что так ревностно собирал Гроте. Эта совместная собственность была нотариально оформлена, совладельцами числились Гроте, Радевейнс и священник Ян ван ден Гронде: «Мейстер Герард... свои книги, каковых не мало имел, соединил с книгами господина Флоренса и господина Иоанна де Гронде на том условии, чтобы всегда оставались три хранителя книг, так что если один скончается, то двое оставшихся выбрали бы кого-либо другого на место ушедшего»¹⁹.

Официальный историограф движения Иоганн Бусх (1399 – ок. 1480) приводит рассказ о том, как Радевейнс испросил у Гроте одобрения на общинную жизнь. «Возлюбленный магистр! Что мешает мне и этим писцам, которые по доброй

¹⁸ Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург (далее — РНБ). Goll. Q.v.I.I.

¹⁹ Rudolph Dier de Mudén. Scriptum de Magistro Gerardo Grote. P. 9: «Magister Gerardus... libros vero suos, quos in copia non parva habuit, communicavit domino Florencio et domino Johanni de Gronde ea condicione, quod semper permanerent tres pro consideratione librorum, ut si quando unus decederet, reliqui duo eligerent aliquem in locum defuncti».

воле складывают в общую кассу все, что заработали за неделю, и жить сообща? Сообща? (communā, communiā?) — переспросил Гроте. — Но ведь мендиканты вам не позволят! На что господин Флоренс сказал: А что если мы все-таки попробуем? Подумав, мейстер Герт ответил: Во имя Господа, начинайте, а я буду вашим защитником. Утешенные таким образом, эти писцы с великой радостью в сердце начали совместную жизнь, и со временем добились немалых земных благ». Бусх продолжает: «Они рассматривали общую жизнь как путь совершенствования, ведущий к первоначальной церкви под руководством Св. Духа и установлениям святых апостолов, когда у всех собравшихся вместе христиан сердце и душа едины в Боге, и никто не может сказать, что это его собственное, но все является общим: они постановили... без торжественных (т. е. монашеских обетов) оставаться так все дни своей жизни, а пищу, одежду и прочие телесные надобности обеспечивать трудом рук своих, особенно неутомимой перепиской книг»²⁰.

Кем были эти переписчики? Братья общей жизни содержали общежития для учеников городских латинских школ. Наибольшей известностью пользовались школа в Девентере и школа в Зволле, которую возглавлял друг Гроте Иоганн Целе. В этих школах училось множество иногородних школьников из других областей Нидерландов и прирейнской Германии. По вечерам братья читали с мальчиками Св. Писание и благочестивые книги, комментировали прочитанное, разговаривали на религиозные темы. Эти беседы напоминали коллокви — собеседования, которые вели между собой по вечерам первые обитатели дома мейстера Флоренса Радевейнса. Выработанный эмпирическим путем метод бесед наставников с учениками, совместного чтения Библии и обсуждения прочитанного положил начало кардинальному для северного гуманизма принципу: образование должно сочетаться с христианской нравственностью. Интонации таких доверительных бесед прослеживаются во многих произведениях Фомы Кемпийского и в диалогах Эразма.

²⁰ Iohannes Busch. Chronicon Windeshemense und Liber de reformatione monasteriorum / Hrsg. von K. Grube. Halle, 1887. P. 253.

В посвященном первым обитателям дома Радевейнса историческом сочинении Фомы Кемпийского «Диалоги новициев» есть автобиографический пассаж. Фома учился в знаменитой школе св. Лебвина в Девентере. В последний школьный год он жил в общежитии братьев и делил комнату и постель с другим учеником, Арнольдом ван Схонховеном. Этот юноша из состоятельной семьи страстно хотел остаться в доме мастера Флоренса Радевейнса и стать полноправным членом общины. Радевейнс объяснил школьнику, что для этого нужно научиться переписывать книги. Совет послужил руководством к действию: «[Мейстер Флоренс сказал Арнольду] Учитесь хорошо писать, и тогда надежда будет с вами. Услышав это, он приложил все старание к тому, чтобы научиться хорошо писать, постоянно навещая одного из лучших писцов с просьбой как можно более полно себя проинструктировать. И говорил мне: о, если бы я овладел мастерством письма, то скорее смог бы жить с господином Флоренсом. Надеюсь с божьей помощью успешно победить свои страсти и благодаря этому научиться писать. Когда я услышал эти слова, удивлен был его скромностью и жаром: потому что он со всем напряжением исполнял то, что советовал господин Флоренс. А я рассудил наоборот, говоря себе: если бы я знал, что это делает меня лучше, то захотел бы выучиться хорошо писать»²¹.

В воспоминании Фомы Кемпийского два юноши приходят к писцовому труду, однако с различными мотивациями. Оба равно впитывали в себя атмосферу дома мастера Флоренса и ревностно стремились к благочестию, но одному цель жизни виделась в получении места писца, все прочее, в том числе победа над собой, служило средством к ее достижению. Для

²¹ Thomae Nemerken a Kempis opera omnia. Dialogus noviciorum. Vol. 7 / Ed. M. I. Pohl. Freiburg im Breisgau, 1902–1922. P. 323: «[Dominus Florens] ita dicens ad eum [Arnoldum]: Discatis bene scribere et tunc spes erit de vobis. Quo audito tota diligentia nitebatur scribere addiscere: saepe vadens ad unum de bonis scriptoribus et petens ab eo plenius informari. Et dixit mihi. O si scirem bene scribere: ut possem citius cum domino Florentio habitare. Spero quod bene per gratiam Dei vellem passiones meas vincere: si tantummodo scribere scirem. Et cum haec audissem, miratus sum probitatem eius et fervorem: quia omni conamine satagebat agere quae dominus Florentius dixerat. Et ego versa vice cogitavi mecum dicens. Bene vellem addiscere scribere: si scirem me bene emendare».

Фомы уже в юные годы борьба за совершенствование своей духовной природы стала главной задачей, которой он подчинил всю свою жизнь. Впоследствии в книге «О подражании Христу» он написал: «Не тому ли всего труднее борьба, кто старается победить себя самого? И вот какое должно быть наше дело: себя самого побеждать и каждый день оттого становиться сильнее и восходить на лучшее»²².

Что касается мастерства переписчика, то Фома на собственном опыте убедился, как дисциплинирует писцовая работа и способствует самоконтролю, и попросил одного из переписчиков, Люберта Бернери, сделать для него прописи. Отдавая юноше готовые прописи, Бернери сказал, что с такими длинными и мягкими пальцами тот научится хорошо писать. Фома добавляет: «И, с божьей помощью, правильно предсказал»²³. Впоследствии писцовый труд стал одним из главных дел его жизни, но уже в этот последний год в Девентере он наравне с другими клириками переписывал книги на продажу и отдавал заработанные деньги в общую кассу.

Одни юноши, как Арнольд ван Схонховен, по окончании школы на всю жизнь оставались в общинах братьев, другие, как поступил Фома Кемпийский, в ожидании вакантного места в монастыре продолжали переписывать книги наравне с братьями, проходя у них школу профессионального писцового труда. Итогом стала трехступенчатая система подготовки писцов-монахов: латинская школа — дом братьев — монастырский скрипторий.

Для защиты от нападок доминиканцев, обвинявших братьев общей жизни в попытке создать новый монашеский орден, шестеро писцов из дома Флоренса Радевейнса своими руками выстроили монастырь. Монастырь Виндесгейм принял устав августинских уставных каноников и был освящен

²² Фома Кемпийский. О подражании Христу / Пер. с лат. К. П. Победоносцева. Брюссель, 1983. С. 3.

²³ Thomas Hemerken. *Dialogus noviciorum*. P. 242: «Sciebat [Lubertus Bernerus] etiam bene scribere, et libenter scripsit: vitans otium et diligenter operi manuum instans, et alios inducens ad scribendum. Rogante autem quodam iuvene ut exemplar ei scriberet: benigne annuit et fecit. Et ait: Bene addices scribere: longos enim et molles digitos habes. Et Deo cooperante verum prophetavit».

в 1387 г. К 1400 г. Виндесгеймский капитул насчитывал уже пять монастырей.

Своей библиотеке, ее составу и качеству представленных в ней книг виндесгеймские каноники уделяли огромное внимание. Большая работа, проделанная ими по розыску наиболее старых списков Библии, по сличению и выверке текстов, подтверждена текстологическими исследованиями²⁴. Как рассказывает Бусх, «Постарались, насколько возможно, свести все книги Ветхого и Нового Завета к первоначальному переводу св. Иеронима с еврейского на латынь, в соответствии с наиболее верными списками... Многие годы предавались этой святой работе, продираясь сквозь чащу еврейских выражений, и старались в совершенстве выправить весь корпус Библии в соответствии с наиболее старыми экземплярами, больше следуя старым авторитетам, нежели новым»²⁵. Это было второе после ревизии библейских текстов Алкуином исправление книг Библии. «Равным образом и сочинения четырех докторов церкви (Амброзия, Августина, Иеронима и Григория Великого), каковые из лучших списков собрать могли, постарались свести к первоисточникам (*ad primam sui fontes originem*)»²⁶. Возможно, именно в такой редакции, еще мальчиком, Эразм впервые услышал определивший всю его жизнь призыв «*ad fontes*». Завершая главу, посвященную работе над сверкой текстов, Иоганн Бусх с гордостью отмечает: «видим теперь в нашей библиотеке более сотни больших кодексов, в которых красивыми буквами

²⁴ Greitemann N. Die Windesheimse vulgaatrevisie in de vijftiende eeuw. Hilversum, 1937.

²⁵ Iohannes Busch. Chronicon Windeshemense. P. 311–312: «Omnes enim veteris ac novi testamenti libros originales ad primam sancti Iheronimi ex hebreo in latinum translacionis formam iuxta exemplaria emendaciora adipisci sibi possibile conati sunt reducere... Multis igitur annis huic sancto operi fidelissime insistentes silvam hebraicarum dictionum corpusque tocius biblie veteris ac novi testamenti iuxta exemplariorum antiquorum magis correctorum tenorem integra fide emendantes et corrigentes veterumque auctoritatem plus quam modernum usum communem imitantes».

²⁶ Iohannes Busch. Chronicon Windeshemense. P. 312: «Simili modo... tractatus quatuor ecclesie doctorum aliorumque patrum orthodoxorum ad primam sui fontes originem, quantum in exemplaribus emendacioribus e diverso collectis habere, potuerunt fidelissime reduxerunt».

на пергамене переписаны труды знаменитых докторов»²⁷. Следует добавить, что в Виндесгейме было две библиотеки, одна — с латинскими книгами для каноников, а другая — с книгами на родном языке для братьев-мирян. Основателем и хранителем этой библиотеки был Ян Скуткен. В течение многих лет за трапезами он читал не знавшим латыни братьям-мирянам Св. Писание и «без книг объяснял трудные для понимания места»²⁸. Следствием этих чтений стал перевод на нидерландский язык полного текста Нового Завета. В Российской национальной библиотеке хранятся два списка Евангелия в переводе Яна Скуткена²⁹.

В жизнедеятельности «Нового благочестия» книга присутствовала во всех мыслимых функциях. Книга была материальным и духовным предметом, уже имеющимся в наличии или тем, который надо было заполучить (вспомним Гроте) для последующего чтения и копирования. Книга была материальным и духовным предметом, который надо было воссоздать — переписать благочестивое произведение или же создать (написать) новый текст, который также надо было переписывать. Книга была материальным и духовным предметом, производимым для женских общин и новых монастырей. Книга была материальным и духовным предметом, переписанным на продажу (*pro pretio*), что давало средства к жизни общинам братьев общей жизни и некоторым монастырям, как, например, монастырю Фомы Кемпийского Агнитенбергу. Книга была материальным и духовным предметом для личного медитативного чтения. Книга была материальным и духовным предметом, посредством которого идеалы «Нового благочестия» распространялись в среде грамотных современников.

В одной из проповедей Фомы Кемпийского читаем: «Отрадно слышать, что Иисус умел читать и писал (Иоан. 8,6), ибо от этого искусство письма и страсть к чтению

²⁷ Johannes Busch. *Chronicon Windeshemense*. P. 313: «Vidimus eciam ultra centum codices magnos et notabiles doctorum orthodoxorum per ipsos pro libraria nostra in bona litera et pergameno conscriptos».

²⁸ Johannes Busch. *Chronicon Windeshemense*. P. 192: «...passus occurrens ad intellegendum difficiles sine libris exponens».

²⁹ РНБ. Goll. O.v.I.1 .

еще более нам нравится... радостно подражать читающему и пишущему Иисусу, ибо весьма благое это дело — переписывать книги, которые любил Иисус, и посредством которых мы его познаем, почитаем и проповедуем о нем»³⁰. Со словами Фомы перекликается писцовая запись в книге, вышедшей из скриптория братьев «общей жизни» в Росточе, в которой переписчик определяет себя и своих собратьев как «не словом устным, но словом письменным проповедующие»³¹. В домах братьев и в виндесгеймских монастырях копирование книг ставило целью религиозное просвещение народа.

Механический писцовый труд исключался. Флоренс Радевейнс говорил: «Человеку следует заниматься такой работой, которая имеет наибольшее сходство с духовной и служит духовному образованию, а именно: медитировать над тем, что переписывается, либо переписывать то, что читается»³². Во времена европейского Средневековья медитация была неразрывно связана с чтением (*lectio divina*). Она подразумевала повторение прочитанного в уме, размышление над текстом, запечатление его смысла в своей душе с последующим претворением в действие. Для писцов «Нового благочестия» копирование благочестивых книг подразумевало обязательную медитацию над их текстом³³, что способствовало серьезному усвоению материала. Переписка книг рассматривалась не как монашеская аскеза, предназначенная для спасения от дьявольских козней, но прежде всего как духовный труд, приравненный к чтению, медитации и личной молитве. Фома Кемпийский наставлял: «Не бывай никогда совсем в праздности, или

³⁰ Thomae Kempensis Opera. T. 3. P. 169. «Delectat tamen audire quia Jesus legere noverat et scripsit: ut ars scribendi ac legendi sacros codices magis placeat... Placeat igitur tibi Jesum imitari legendo et scribendo... Valde bonum opus est scribere libros quos amat Jesus: in quibus ipse agnoscitur, legitur et praedicantur».

³¹ Staubach N. Pragmatische Schriftlichkeit. S. 451: «Non verbo sed scripto predicantes».

³² Staubach N. Pragmatische Schriftlichkeit. S. 434: «...debet homo opus facere, quod cum spiritualibus maiorem habeat similitudinem, sicut ad edificationem spiritualem meditari quod scribatur, vel scribere quod legatur».

³³ Staubach N. Pragmatische Schriftlichkeit. S. 431.

читай, или пиши, или молись, или размышляй (*meditans*): чем-нибудь работой для пользы общей»³⁴.

Lectio divina предоставляло темы для медитаций о вещах божественных. Радейвейнс обязал каждого члена своего дома — и это стало обязательным для всех домов братьев общей жизни и монастырей Виндесгеймского капитула — составлять рапиарий, персональную тетрадку, в которую записывались отрывки из прочитанных или переписанных книг. В рапиарии заносились те мысли, что затронули глубинные струны души индивида в процессе интенсивной духовной работы над совершенствованием собственной личности. Рапиарии служили для постоянных духовных упражнений, работа над ними стала составной частью жизни этих людей. Тетрадки видных участников движения, таких как каноник Герлах Петерс (1378–1411), оформлялись после их смерти в виде благочестивых трактатов, читались и переписывались. Из рапиария самого Радейвейнса библиотекарь его дома Герард Зербольт (1367–1398) почерпнул многие идеи для двух знаковых для *Devotio Moderna* произведений. В трактате «О немецких книгах» Зербольт обосновал необходимость чтения мирянами благочестивых книг, в том числе Св. Писания, на их родном языке. В сочинении «О совместном образе жизни благочестивых людей» он аргументировано отстаивал право клириков и мирян жить в общинах без принесения монашеских обетов. Рапиарий Фомы Кемпийского лег в основу I книги «О подражании Христу».

Все позднесредневековые движения — иоахимизм в Италии, Виклиф и лолларды в Англии, бегарды и бегинки в Нидерландах, Германии и Франции, гуситы в Чехии — были основаны на публичной проповеди своих основателей и их последователей. *Fons et origo modernae devotionis*³⁵ Герт Гроте также начал с проповедей, обличавших нравы современного ему духовенства и призывавших к покаянию. Яркая сильная личность Гроте замыкала его последователей на себе. При его жизни движения как такового еще не существовало, оно оформилось сразу

³⁴ Фома Кемпийский. О Подражании Христу. С. 39.

³⁵ Pomerius Henricus. De origine monasterii Viridis Vallis // *Analecta Bollandiana*. 1885. Vol. 4. P. 288.

после его смерти. Община писцов, лично связанных с Гроте и переписывавших книги для него и на продажу, стала первым домом братьев общей жизни. По образцу этого дома создавались новые общины. А возникшая при содействии самого Гроте община слепца ван Уммена в Зволле распалась — в ней книги не переписывались. Переписка необходимой обществу этико-религиозной литературы стала структурирующим фактором, не позволявшим распадаться стихийно возникавшим общинам единомышленников. В этом отличие «Нового благочестия» от перечисленных выше позднесредневековых движений, и именно этот фактор — переписка книг — обеспечил успех и длительную — более столетия — активную деятельность движения.

У писцовой активности «Нового благочестия» есть еще один очень существенный аспект. В десятилетия, предшествовавшие появлению книгопечатания, личная проповедь отдельных проповедников была уже не столь действенна, для влияния на общество требовались иные, рассчитанные на более широкую аудиторию средства информации и коммуникации. Деятели движения чутко уловили требование времени в расширении средств воздействия на людей, и потому проповедовали словом не устным, но письменным. Перепиской уже известных произведений и сочинением новых они предоставили обществу необходимую духовную пищу — доступную для понимания и обращенную к личности верующего религиозную литературу. Созданные в скрипториях «Нового благочестия» книги читались. Наиболее востребованной стала книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Сохранилось около 800 списков этой книги XV в. (самый ранний датируется 1424 г.). Внесло свою лепту и книгопечатание — 80 инкунабульных изданий. На сегодняшний день книга «О подражании Христу» по числу изданий занимает второе место в мире после Библии. Эта книга — единственное произведение из всего богатства средневековой духовной литературы, что переводится и переиздается по сей день. Только в Нидерландах уже в этом столетии вышло четыре издания — два на латыни и два на голландском языке.

С распространением книгопечатания на рубеже XV–XVI вв. рукописная книга утратила свое значение. *Devotio Moderna* продолжало существовать, но потеряло влияние на общество и уступило место новым религиозным и культурным феноменам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Bollmann A. The influence of the *Devotio Moderna* in Northern Germany // *A Companion to Mysticism and Devotion in Northern Germany in the Late Middle Ages* / Ed. by E. Andersen. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 231–260.
2. Iohannes Busch. *Chronicon Windeshemense und Liber de reformatione monasteriorum* / Hrsg. von K. Grube. — Halle: Hendel, 1887. — 824 s.
3. Geurts A. J. Boeken maken in het regulierenklooster te Windesheim bij Zwolle // *Windesheim. Studies studies over een Sallands dorp bij de IJssel*. Windesheim; Kampen: IJsselakademie, 1987. S. 57–76.
4. Greitemann N. *Die Windesheimse vulgaatrevisie in de vijftiende eeuw*. — Hilversum: Paul Brand, 1937. — 88 s.
5. Haverals M. *De scriptoria en de bibliotheken van de windesheimers in de zuidelijke Nederlanden* // Geert Grote en de Moderne Devotie. Antwerpen: Geert Grote en de Moderne Devotie, 1985. Blz. 260–270.
6. Henricus Pomerius. *De origine monasterii Viridis Vallis* // *Analecta Bollandiana*. 1885. Vol. 4. P. 257–334.
7. Kock Th. *Die Buchkultur der Devotio Moderna. Handschriftenproduction, Literaturversorgung und Bibliotheksaufbau im Zeitalter des Medienwechsels*. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. — 471 s.
8. Lingier C. *Boekengebruik in vrouwenklooster onder invloed van de Moderne Devotie* // *Boeken voor de eeuwigheid* / Hrsg. von Th. Mertens. Amsterdam: Prometheus, 1993. Blz. 280–294.
9. Löffler K. *Deutsche Klosterbibliotheken*. — Bonn; Leipzig: Schroeder, 1922. — 310 s.
10. Lourdaux W., Haverals M. *Bibliotheca vallis sancti Martini in Lovanio*. — Leuven: Univ. Pers, 1978–1980. T. 1. — 862 p.; T. 2. — 510 p.
11. Oeser W. *Die Brüder des gemeinsamen Lebens in Münster als Bücherschreiber* // *Archiv für die Geschichte des Buchwesens*. 1962. Bd 5. S. 179–398.

12. Oeser W. Handschriftenbestände in Augustiner-Chorherrenstift Bödeken // Archiv für Geschichte des Buchwesens. 1965. Bd. 7. Lfg. 1–2.

13. Rudolph Dier de Mudén. Scriptum de Magistro Gerardo Grote, Domino Florencio et aliis devotis Fratribus // Gerhard Dumber. Analecta seu vetera aliquot scripta inedita. S. l.: s. n., 1719. T. 1. P. 1–87.

14. Scheepsma W. Medieval Religious Women in the Low Countries: The Modern Devotion, the Canonesses of Windesheim, and their Writings. — Woodbridge: Boydell Press, 2004. — 292 p.

15. Staubach N. Pragmatische Schriftlichkeit im Bereich der Devotio moderna // Frühmittelalterliche Studien. 1991. Bd 25. S. 418–461.

16. Staubach N. Von Deventer nach Windesheim. Buch und Bibliothek in der Frühzeit der Devotio moderna // Kloster und Bibliothek. Zur Geschichte des Bibliothekswesens der Augustiner-Chorherren in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von A. Müller. Paring, 2000. S. 1–22.

17. Staubach N. Die Devotio moderna als Textgemeinschaft // Schnittpunkte. Deutsch-niederländische Literaturbeziehungen im späten Mittelalter / Hrsg. von A. Lehmann-Benz. Münster: Waxmann, 2003. S. 19–40.

18. Thomae Hemerken a Kempis opera omnia. Dialogus noviciorum. Vol. 7 / Ed. M. I. Pohl. — Freiburg im Breisgau: Herder, 1922. — 618 p.

19. Wirda L. Moderne devoten en hun boeken enkele observaties betreffende de boeksproductie bij windesheimers en fraters // Windesheim 1395–1995. Klosters, teksten, invloeden. Nijmegen: Centrum voor Middeleeuwse Studies, Katholieke Universiteit Nijmegen, 1996. Blz. 98–127.

REFERENCES

1. Bollmann A. (2014) The influence of the Devotio Moderna in Northern Germany, *A Companion to Mysticism and Devotion in Northern Germany in the Late Middle Ages* (Ed. E. Andersen), Leiden/Boston: Brill, pp. 231–260.

2. Iohannes Busch (1887). *Chronicon Windeshemense und Liber de reformatione monasteriorum* (Ed. K. Grube), Halle: Hendel, 824 p.

3. Geurts A. J. (1987) Boeken maken in het regulierenklooster te Windesheim bij Zwolle, *Windesheim. Studies studies over een Sallands dorp bij de IJssel*, Windesheim/Kampen: IJsselakademie, pp. 57–76.

4. Greitemann N. (1937) *Die Windesheimse vulgaatrevisie in de vijftiende eeuw*, Hilversum: Paul Brand, 88 p.
5. Haverals M. (1985) *De scriptoria en de bibliotheken van de windesheimers in de zuidelijke Nederlanden*, Geert Grote en de Moderne Devotie, Antwerpen: Geert Grote en de Moderne Devotie, blz. 260–270.
6. Henricus Pomerius (1885). De origine monasterii Viridis Vallis, *Analecta Bollandiana*, vol. 4, pp. 257–334.
7. Kock Th. (1994) *Die Buchkultur der Devotio Moderna. Handschriftenproduction, Literaturversorgung und Bibliotheksaufbau im Zeitalter des Medienwechsels*, Frankfurt am Main: Peter Lang, 471 p.
8. Lingier C. (1993) Boekengebruik in vrouwenklooster onder invloed van de Moderne Devotie, *Boeken voor de eeuwigheid* (Ed. Th. Mertens), Amsterdam: Prometheus, blz. 280–294.
9. Löffler K. (1922) *Deutsche Klosterbibliotheken*, Bonn/Leipzig: Schroeder, 310 p.
10. Lourdaux W., Haverals M. (1978) *Bibliotheca vallis sancti Martini in Lovanio*, Leuven: Univ. Pers, 1978, vol. 1, 862 p.
11. Lourdaux W., Haverals M. (1982) *Bibliotheca vallis sancti Martini in Lovanio*, Leuven: Univ. Pers, vol. 2, 510 p.
12. Oeser W. (1962) Die Brüder des gemeinsamen Lebens in Münster als Bücherschreiber, *Archiv für die Geschichte des Buchwesens*, vol. 5, pp. 179–398.
13. Oeser W. (1965) Handschriftenbestände in Augustiner-Chorherrenstift Bödeken, *Archiv für Geschichte des Buchwesens*, vol. 7, lfg. 1–2.
14. Pohl M. I. (1922) *Thomae Hemerken a Kempis opera omnia. Dialogus noviciorum*, Freiburg im Breisgau: Herder, vol. 1, 618 p.
15. Rudolph Dier de Mudén (1719). *Scriptum de Magistro Gerardo Grote, Domino Florencio et aliis devotis Fratribus, Gerhard Dumbar. Analecta seu vetera aliquot scripta inedita*, s. l.: s. n., vol. 1, pp. 1–87.
16. Scheepsma W. (2004) *Medieval Religious Women in the Low Countries: The Modern Devotion, the Canonesses of Windesheim, and their Writings*, Woodbridge: Boydell Press, 292 p.
17. Staubach N. (1991) Pragmatische Schriftlichkeit im Bereich der Devotio moderna, *Frühmittelalterliche Studien*, vol. 25, pp. 418–461.
18. Staubach N. (2000) Von Deventer nach Windesheim. Buch und Bibliothek in der Frühzeit der Devotio moderna, *Kloster und Bibliothek. Zur Geschichte des Bibliothekswesens der Augu-*

stiner-Chorherren in der Frühen Neuzeit (Ed. A. Müller), Paring, pp. 1–22.

19. Staubach N. (2003) Die Devotio moderna als Textgemeinschaft, Schnittpunkte, *Deutsch-niederländische Literaturbeziehungen im späten Mittelalter* (Ed. A. Lehmann-Benz), Münster: Waxmann, pp. 19–40.

20. Wirda L. (1996) Moderne devoten en hun boeken enkele observaties betreffende de boekproductie bij windesheimers en fraters, Windesheim 1395–1995, *Klosters, teksten, invloeden*, Nijmegen: Centrum voor Middeleeuwse Studies, Katholieke Universiteit Nijmegen, 1996, blz. 98–127.